

Н. И. Храпунов

**СРАЖАЯСЬ С «ПЛЕМЕНОМ ЧУДОВИЩНЫМ И БЕСЧЕЛОВЕЧНЫМ»:
ЗАПАДНЫЕ АВТОРЫ XVI–XVIII ВЕКОВ
О ВОЙНАХ КРЫМСКОГО ХАНСТВА***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-6-14

УДК 94 (477.75)“15/17” ББК 63.3(2)43-94

В статье рассматривается образ войска Крымского ханства, его тактики, поведения в походах, отношения к пленным, созданный сочинениями западных авторов начала Нового времени. Военное дело Крымского ханства неоднократно изучалось историографией, но имагологическая сторона вопроса обходилась стороной. В ходе исследования раскрыты разные грани «инаковости», ставшие стереотипами в европейских текстах. Писатели исследуемой эпохи, добавив в этноним *тартары* букву *p*, подчеркивали параллель с преисподней — Тартаром. Ханское войско воспринималось как апокалиптические выходцы из ада. Монголоидный облик ногайцев считали не только «противоположным христианскому», но и результатом неких особенностей развития детей. Европейцы писали об эффективности легкой конницы, оснащенной примитивным оружием, но идеально приспособленной к природным условиям степи. Подчеркивая «инаковость», доходили до утверждений, что татары шли в бой плохо или вообще невооруженными. Они были с детства приучены к походам и сражениям, скудной экзотичной пище, суровым природным условиям. По мнению европейцев, крымскому войску были свойственны не только «неконвенционные» приемы сражения, но и жестокая дисциплина. Объясняя успехи ханской армии, некоторые писатели значительно преувеличивали ее численность. Особым мотивом стало описание жестоких страданий пленных, составлявших основной трофей татар; последние же разработали эффективную систему добычи, транспортировки, распределения, оценки, продажи и использования «живого товара».

Ключевые слова: *Крымское ханство, крымские татары, Крым, записки путешественников, образ врага, историческая имагология*

Первые представления авторов Западной Европы о народах Крымского ханства связаны с опытом более раннего взаимодействия с их предшественниками монголами. Английский хронист Матфей Парижский писал (ок. 1259) о появлении монголов на арене истории: «[С] северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока... Питаются они сырым мясом, также и человеческим. <...> Дабы не была вечной радость смертных, дабы не пребывали долго в мирском веселии без стенаний, в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища тартар, внезапно появившись из местности своей, окруженной горами; и пробившись сквозь монолитность недвижных камней, выйдя наподобие демонов, осво-

божденных из Тартара¹ (почему и названы тартарами, будто “[выходцы] из Тартара”), словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли».² Правитель Священной Римской империи якобы сообщал английскому королю, что «из земель своих они движутся с тем намерением, чтобы, невзирая на [грозящие] жизни опасности, подчинить себе весь Запад, упаси, господи, и веру в Христа погубить и уничтожить».³ Западную Европу охватил ужас: в грозных войнах увидели предсказанных пророчествами предвестников конца света.⁴ Этот страх существовал вплоть до эпохи Просвещения — ему оказался подвержен даже Руссо.⁵

История Монгольской империи и наследовавших ей государств, включая возникшее около середины XV в. Крымское ханство, — это история почти непрерывных войн с соседями. Задача этой статьи — проанализировать сфор-

Храпунов Никита Игоревич — д.и.н., в.н.с., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)
E-mail: khrapunovni@gmail.com

* Статья подготовлена в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ, мегагрант № 075-15-2022-1119

¹ Тартар — название ада в древнегреческой традиции.

² Матузова В. И. Английские средневековые источники. М., 1979. С. 135–137.

³ Там же. С. 146.

⁴ См.: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. СПб., 2013. С. 299, 300 и прим. 30.

⁵ См.: Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб., 2013. С. 154.

мированные на Западе представления, топысы и стереотипы, характеризовавшие военные действия Крыма против армий и провинций христианской Европы. Источниковой базой стали записки путешественников и кабинетных писателей, имевших личный опыт столкновения с крымским войском или же изучавших рассказы очевидцев.⁶ Под Западом понимается католическая и протестантская Европа, ведь в географическом отношении, например, Речь Посполитая находилась к северу от Крыма. «Воображаемая география» оперировала подвижными границами: если французам или англичанам принадлежность поляков к числу европейцев казалась сомнительной, то сами поляки в ней не сомневались, а своей противоположностью считали «азиатов» — мусульман, а также русских.⁷

Военное дело Крымского ханства не раз изучали,⁸ но не имагологическую сторону вопроса.⁹ Хронологические рамки работы — от рубежа XV–XVI вв., когда определилось специфическое положение Крымского ханства под верховной властью Османской империи,¹⁰ до ликвидации ханства (1783) и публикации «Мемуаров» барона де Тотта (1784).

Существовало принципиальное различие между образами Крымского ханства и крымских татар,¹¹ с одной стороны, и Османской империи и османов, с другой. Если в XVIII в. антиисламская и антитурецкая риторика европейцев сочеталась с модой на «ориентальный»/«оттоманский» стиль,¹² то Крым воспринимали как западную оконечность «Та(р)тарии»,

полной противоположности европейской «цивилизации».¹³ Эффективность военного дела крымских татар менялась со временем. В XVI–XVII вв. крымское войско было достойным противником европейских армий на поле битвы, но во время русско-турецких войн 1735–1739 и 1768–1774 гг. оно уже не могло противостоять регулярной армии. При этом исследуемый литературный образ почти неизменен. Большинство западных писателей обращалось к одному набору тем, но воспроизвести все соответствующие отрывки в рамках небольшой статьи возможности нет. Цитаты подбирались так, чтобы показать как разнообразие источников, так и яркость выработанных ими описаний.

Западные авторы добавили в этноним *тартары* лишнюю букву *p*, чтобы подчеркнуть параллель с Тартаром. У читателя могло сложиться впечатление, что речь шла об адском войске, выходцах из преисподней. Даже в середине XIX в. участник Крымской войны Томас Милнер писал: «*Монахи и священники, пораженные сходством [слов] “татарин” и “Тартар”, и разрушениями, которые произвели орды завоевателей — словно посланники из адских областей, придумали написание “тартарин”, до сих пор распространенное, но неправильное*».¹⁴ Подобная игра слов — дело привычное для европейских интеллектуалов. В XIV в. византийцы, негативно относившиеся к генуэзцам, обыгрывали сходство между названием их города и Геенны огненной.¹⁵ Альтернативные этимологии также связывали имя татар с войнами и грабежом. Эмидио Портелли д'Асколи, итальянский миссионер, побывавший в Каффе (Кефе, ныне Феодосия) в 1624 г., писал: «*[К] ним вполне подходит название татар, так как оно происходит от греческого глагола “таратто” (Taratto), т. е. я тревожу; говоря по правде, никто, скажем мы, так не тревожит людей, как татары*».¹⁶ На «карту мира» нанесли «Тартарию» — пространство от Дуная до Тихого океана и от Индии до Арктики, где люди якобы говорили на одном языке и вели одинаковый образ жизни. Лишь прославленный путешественник

⁶ Обзор этой группы источников см.: Храпунов Н. И. Записки путешественников // История крымских татар. Казань, 2021. Т. 3. С. 36–40.

⁷ См.: Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 71–75; Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 295–331.

⁸ Историографический очерк см.: Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань; Симферополь, 2019. С. 8–31.

⁹ Предварительные замечания см.: Храпунов Н. И. Представления о Крымском ханстве в Западной и Центральной Европе в середине XV — третьей четверти XVIII вв. // История крымских татар. Казань, 2021. Т. 3. С. 822–828.

¹⁰ Об этом см.: Орешкова С. Ф. Крымское ханство в XV–XVI вв. М., 2022. С. 137–164, 219–234.

¹¹ Авторы XVI–XVIII вв. вкладывали в понятие «крымские татары» смысл, далекий от современных представлений. Это внешнее, совокупное наименование мусульманских подданных крымского хана, для которых куда более важными, очевидно, были внутренние различия по социальному признаку, в рамках отдельных кланов или племенных объединений.

¹² См.: Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2016. С. 249–263; Wolf L. The Singing Turk. Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon. Stanford (Calif.), 2016.

¹³ См.: Храпунов Н. И. Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М., 2020. С. 143–163.

¹⁴ Milner Th. The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars. London, 1855. P. 122.

¹⁵ См.: Поляковская М. А. Алексей Макремволит о внешнеполитическом положении Византии // Античная древность и средние века. 1981. Вып. 18. С. 136.

¹⁶ [П]ортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Тартарии // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24. С. 124.

по Сибири Петер Паллас в 1768–1774 гг. обнаружил, что там живут разные народы, многие из которых вовсе не называют себя татарами.¹⁷ Частью Великой Та(р)тарии была Та(р)тария Крымская, Малая или Перекопская — последнее название происходит от Перекопа, рва в одноименном перешейке, который соединяет Крым с материком. Портелли утверждал: «Татария называется также Перекопской (*Prescopense*), от замка Прекопе (*Prescopre*), по-турецки Ор (*Or*), служащей ей как бы дверью и ключом...»¹⁸ По одной из этимологий названия Крым, оно также означает «перекоп», «ров», «траншея».¹⁹

Среди подданных крымского хана были кочевники-ногаи (ногайцы), жившие в степях и обладавшие необычной монголоидной внешностью. Французский инженер на польской службе (1630–1647) Гийом де Боплан писал: «Несколько дней после рождения татары не могут открыть глаза, как это бывает у собак и, вообще, у других животных. ...они скорее малого, чем высокого роста, но коренасты, с крупными членами [тела], с высоким и толстым животом; плечи широкие, шея короткая, голова большая; лицо у них почти круглое, лоб широкий, глаза мало открытые, но совершенно черные и с длинным разрезом... кожа смуглая, волосы очень черны и жестки, как конская грива. Вообще, они выглядят совершенно иначе, нежели христиане».²⁰ Очевидна параллель с рассказами о «непобедимых» гуннах, поразивших позднеримских историков своим внешним видом. Аммиан Марцеллин (ок. 330–395) утверждал, что гунны «при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах», а их коренастые фигуры подобны «чурбанам, которые ставят на краях мостов».²¹ Но татары южной части Крыма имели европеоидный облик. Западные авторы объясняли это смешанными браками. Голландец Николаас Витсен, побывавший в России (1664–1665), писал: «И хотя у них плоские и некрасивые лица, среди них встречается много похожих на европейских христиан, потому что они брали в плен много поляков, лифляндцев и других христиан, и

от этого получилась смесь народностей».²² На западных гравюрах крымские ханы и их воины имеют европеоидные лица.²³ Авторы портретов вряд ли видели своих героев, но особенности визуальных образов — предмет для особого исследования.

С дискурсами иной внешности связаны рассуждения о том, что татарам свойственно своеобразное представление о прекрасном. Выходец из семьи французских гугенотов Обри де ля Мотре, подданный британской короны, прибыл в Крым в 1711 г. Он писал, что с точки зрения татар «красота заключается в маленьких, глубоко посаженных глазах, густых черных бровях, большом плоском носе и лице, и низкой плотной фигуре, особенно для женщин...»²⁴

По словам английского посланника в Москве Джайлса Флетчера (1588), вооружение и снаряжение татар было примитивным, но эффективным: «[В]се они — всадники и не имеют ничего, кроме лука, футляра со стрелами и кривого меча на турецкий манер. Они очень искусные всадники и привыкли стрелять назад так же легко, как и вперед. <...> У простого солдата нет других доспехов, кроме обычного платья, то есть черной овечьей шкуры, [надетой] шерстью наружу днем и [шерстью] внутрь в ночное время, и такой же шапки».²⁵ Витсен утверждал, что крымские татары «с детства упражняются в стрельбе из лука. Их одежда — это овечьи шкуры. Их луки сделаны из нервов лошадей. <...> Их стрелы достигают расстояния в 100 шагов».²⁶ Портелли писал: «Властители Татарики имели обыкновение идти воевать дважды в год, или по крайней мере хоть один раз, но подобные предприятия следовало бы скорее называть разбоем, чем войной. Шли на войну летом, когда кони отъелись на вешних травах, и зимою...; выступали до 100 тысяч человек приблизительно, направляясь либо в Польшу, либо в Московию, или же в Черкесию, несколько раз ходили даже в Венгрию».²⁷

²² Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 706.

²³ См.: История крымских татар. Казань, 2021. Т. 3. Вклейка (ненумерованные илл.); Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 68; The Complete Works of Captain John Smith (1580–1631). Vol. 3. Chapel Hill; London, 1986. P. 242, 243.

²⁴ A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. London, 1723. Vol. 2. P. 25.

²⁵ Russia at the Close of the Sixteenth Century. Comprising the Treatise "Of the Russe Common Wealth," by Giles Fletcher. London, 1856. P. 87.

²⁶ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария... С. 705, 706.

²⁷ [П]ортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарики. С. 123.

¹⁷ См.: Храпунов Н. И. Центральная Азия в воображении Запада... С. 144, 145, 157, 158.

¹⁸ [П]ортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарики. С. 106.

¹⁹ Jankowski H. A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston, 2006. P. 471. Впрочем, предложены и другие этимологии.

²⁰ Боплан Г. Л. де. Описание Украины. М., 2004. С. 213.

²¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. М., 2005. С. 538.

Литовский дипломат, побывавший в Крыму в 1543 г. и скрывшийся под псевдонимом «Михалон Литвин», осуждал упадок нравов и пороки государственного устройства своей страны по контрасту с татарскими. Он утверждал, что последние вообще не брали в поход оружия. Очевидно, автор хотел шокировать читателя описанием непривычного образа военных действий: «Хотя и ходили избранные, однако снаряженные по обычаю своему, а именно — многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше... Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают... Однако никто из них не отправлялся без множества свежих ремней, особенно когда им предстоит совершить набег на наши земли. Ибо тогда их больше заботят пути, чтобы вязать конечности наши, чем доспехи для своей защиты».²⁸ Мартин Броневский, польский посланник к крымскому хану (1578–1579), предложил более реалистичное описание: «Татары употребляют на войне оружие, известное с древнейших времен, именно: копье, кривую и длинную татарскую саблю, турецкий кинжал или персидский, короткий и широкий из отличного железа, или дорогой турецкой работы; длинные и быстрые стрелы, колчан, а иногда короткое копье. Они надевают также панцири, шлемы и вообще вооружение персидское или московское, доставшееся им в добычу. Седла и уздечки у них, по обычаю страны, самой древней формы, но весьма удобны...»²⁹

Путешественники могли преувеличивать численность крымского войска. Барон Франсуа де Тотт был французским консулом в Бахчисарае (1767–1769) и описал набег на российские владения (1769), в котором сам принял участие.³⁰ По его словам, каждые восемь татарских семейств должны были выставить трех всадников, что позволило хану собрать 200-тысячную армию.³¹ Как показывают современные исследования, эта цифра сильно преувеличена.³²

²⁸ Михалон Литвин. О нравах татар... С. 66.

²⁹ Мартин Броневский. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 365.

³⁰ См.: Храпунов Н. И. Крымский хан в поход собрался: барон Франсуа де Тотт о последнем набеге татар на Россию в 1769 г. // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 36–53.

³¹ См.: Mémoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares. Amsterdam, 1784. 2de partie. P. 151, 197.

³² См.: Конкин Д. В. К вопросу о населении Крыма в конце XVIII — начале XIX вв. и первой волне крымско-татарской

Считалось, что крымские татары привыкли нарушать обычаи войны. По словам австрийского посланника в Москве Сигизмунда фон Герберштейна (1516–1517 и 1525–1526), великий князь обвинял хана в том, что «подвергся нападению без объявления войны, [из засады], по обычаю [воров и] разбойников».³³ Полностью противоположен европейскому был и татарский способ сражения — хаотичные нападения и отступления отдельных отрядов. Английский авантюрист Уильям Итон, наблюдавший Крымское ханство накануне его падения (1770-е), отметил: «Попеременно убегая и нападая отдельными отрядами, они одновременно сражаются разными способами — пуская в дело сабли, копья и огнестрельное оружие, они бьются одинаково как верхом, так и спешившись, хотя первое — это самое привычное для них дело <...> но эта беспорядочная борьба дает волю страстям каждого индивидуума, личная ярость усиливала дикий ужас этой сцены, и врага никогда не щадят, кроме тех случаев, когда он не пострадал от ран и потому представляет ценность в качестве раба».³⁴ Флетчер обличал татарское вероломство: «Когда они осаждают город или крепость, они вступают в долгие переговоры и посылают многие льстивые послания, чтобы убедить [осажденных] сдаться, обещая [выполнить] все, что потребуют жители; но захватив однажды то место, они предаются всем видам жестокости и безжалостности. <...> Когда они идут в набег в небольшом числе, они сажают на коней чучела в виде людей, чтобы их число могло показаться большим [чем есть]».³⁵ Многие подчеркивали особую роль коня в военном деле крымцев: «Своих лошадей они никогда не ставят под кров, они даже зимой умеют доставать корм из-под снега. Лошадям они уделяют много внимания, и у них есть пословица: Лошадь потеряна — голова потеряна».³⁶ Де Тотт утверждал, что с тяготами зимних походов могли справиться лишь лошади татарской или черкесской пород.³⁷

Француз описал боевой порядок крымской армии: «Отряды разных провинций отличались по знаменам... [Я] заметил, что, не имея заранее определенного строя, это войско

эмиграции // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2022. Вып. 27. С. 630, 631.

³³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 425.

³⁴ Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London, 1809. P. 321.

³⁵ Russia at the Close of the Sixteenth Century... P. 89.

³⁶ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария... С. 708.

³⁷ См.: Mémoires du baron de Tott... P. 199, 210, 212.

естественным образом расположилось глубиной в двадцать шеренг и сносно выстроилось в линию». Во главе каждого отряда шел наместник провинции — султан-сераскер (сын или племянник хана) со своими приближенными. В центре находился отряд самого хана: 40 эскадронов по 40 всадников в каждом, ехавших по четыре в ряд, образовывали две колонны с 20 знаменами. Далее следовал ханский «оберштагмейстер» с дюжиной лошадей и крытыми санями, за ними — ханская свита, потом — знамя пророка и два зеленых флага. Процессию замыкала гвардия хана из казаков-некрасовцев под своим флагом.³⁸

Поскольку основу ханского войска составляла легкая конница, тактика маневренной войны ориентировалась на захват «живого товара». По словам Мартина Броневского, впереди войска двигались «искуснейшие соглядатаи», которые прекрасно знали местность и вели разведку.³⁹ Описание тактики татарских набегов у де Боплана напоминает рыбалку с помощью бредня или загонную охоту. Ханское войско делилось на основную часть и два меньших фланговых отряда и старалось продвинуться вглубь, не причиняя ее жителям вреда, чтобы не вызвать преждевременной паники. После этого татары разворачивались и шли назад, причем фланги отделялись от главного корпуса: «[Г]рабят, опустошают, жгут, убивают всех, кто оказывает сопротивление, берут и уводят тех, кто сдается, и не только мужчин и женщин с грудными детьми, но также скот...» Основная часть войска в это время пребывала в готовности отразить удар польской армии.⁴⁰

Иностранцев поражала неприхотливость татар. Портелли утверждал, что конское снаряжение заменяет татарину постель: «Кожа, покрывающая седло, держится на ремнях и отделяется от седла, так что для спанья всаднику раскрытый войлок заменяет тюфяк, кожа служит ему простыней, а одежда одеялом; так он почивает сладким сном».⁴¹ Рацион кочевников, идеально приспособленный к условиям жизни в степи, вызывал отвращение. Де ля Мотре отметил: «Я не смог найти здесь хлеба, хотя бы и за деньги, ведь татары едят его очень редко, но питаются сыром, молоком и чорбой, которая представляет собой мясо,

сваренное с пшеницей, ячменем или тмином, к которым богатые добавляют пряности и масло...»⁴² Удивлял обычай употреблять в пищу конину. По словам Итона, «Турецкие муфтии мудро решили, что конину нельзя есть всем мусульманам, кроме татар, поскольку те к ней привыкли, а потому это не считается грехом».⁴³ Французский врач Ферран, служивший нескольким ханам в начале XVIII в. и принимавший участие в походе на северокавказских черкесов, утверждал, что ногайцы предпочитают конину любому другому мясу. «Если среди них есть уважаемый человек, ему подают жирные конские кишки, которые считаются вкуснейшим блюдом. В походы они берут с собой сухую и копченую [конину], которой угощают тех, кто отличился в бою или принес наибольшую добычу... Эти татары могут выдержать от пяти-шести дней без пищи. Лошади имеют это общее с ними свойство».⁴⁴

По словам де Боплана, мясо татары вялили под седлом.⁴⁵ Эта традиционная технология известна кочевникам с давних времен — ее описал Аммиан Марцеллин в рассказе о гуннах.⁴⁶ Пищевые предпочтения татар воспринимались как варварские и малопрстойные. Дикой казалась типичная для кочевников привычка употреблять в пищу кровь и кумыс. Итальянский наемник на польской службе во второй половине XVI в. Алессандро Гваньини писал: «У всякой скотины, большой и малой, особенно жеребцов и кобыл, [татары] выпускают кровь, пожирают ее, словно псы, считая самой лучшей пищей и питьем. Они пьют также кобылье молоко, считая его самым лучшим лекарством после всякой работы, ведь от него они толстеют, как кабаны; часто они смешивают кобылье молоко с водкой и напиваются этим напитком».⁴⁷

По словам Феррана, ногайцы любили напиток из ферментированного проса — бузу, который так же крепок, как водка. Один ногаец за час выпил едва ли не тридцать пинт, то есть примерно столько же литров этого напитка.⁴⁸ «Татарская прожорливость» стала сюжетом не

³⁸ См.: Mémoires du baron de Tott... P. 214–215.

³⁹ См.: Мартин Броневский. Описание Крыма... С. 360.

⁴⁰ См.: Боплан Г. Л. де. Описание Украины. С. 231–235.

⁴¹ [П]ортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарии. С. 123.

⁴² A. de la Motraye's Travels... P. 23.

⁴³ Eton W. A Survey of the Turkish Empire... P. 307.

⁴⁴ Voyage de Crimée en Circassie par le pays des Tartares Nogais, fait l'an 1702 par le sieur Ferrand, médecin français // Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères. Mémoires de Levant. Lyon, 1819. Т. 10. P. 216, 217.

⁴⁵ См.: Боплан Г. Л. де. Описание Украины. С. 223.

⁴⁶ См.: Аммиан Марцеллин. Римская история. С. 538.

⁴⁷ Гваньїні О. Хроніка Хроніка європейської Сарматії. Київ, 2007. С. 698, 699.

⁴⁸ См.: Voyage de Crimée en Circassie... P. 218.

только западной, но и восточной литературы. Знаменитый османский путешественник второй половины XVII в. Эвлия Челеби, восхищаясь качеством бузы, приготовленной в крымском городе Гезлеве (ныне Евпатория), писал: «Бессчетное число татар на спор выпивают за день по сто окка бузы и съедают по [целому] барану». Учитывая, что стамбульская окка равнялась 1,282 кг,⁴⁹ это описание совершенно фантастично.

Если верить де Тотту, питание крымского хана в походах было существенно лучше, чем у подданных: Крым-Гирей не раз угощал его «превосходными сухарями», копчеными конскими ребрами, икрой кефали и черной икрой, изюмом и венгерским вином. А вот рядовые воины довольствовались обжаренной и перетертой просяной мукой, которую изредка разбавляли мясом павших лошадей.⁵⁰ Когда провизия закончилась и начался голод, хан прислал французскую еду, а получил человеческую голову. Секретарь де Тотта «быстрее молнии выбросил ее из палатки, проклиная одновременно голод, холод и татарские шутки».⁵¹

Дисциплина в ханском войске поддерживалась жестокими методами. Де Тотт рассказал о том, как хан приказал казнить сначала обманщика, попытавшегося выдать за свой трофей голову боевого товарища, а потом татар, ограбивших деревни союзных поляков. Но едва ли можно доверять рассказу, как хан приказал дать по сто ударов палкой татарам, изуродовавшим изображения Христа, «чтобы научить татар уважать изящные искусства и пророков».⁵²

Джон Смит, впоследствии основавший Джеймстаун — первое английское поселение в Северной Америке, в молодости служил наемником на Балканах, где сражался против хана Гази-Гирея II. По его словам, характер татар закалила суровая жизнь: «При всех тех жалких знаниях, оружии и упряжи удивителен ущерб, который они наносят Христианству, причиной чему — тяготы их жизни и крепость характера, смирение, сообразительность, а также дары, почести, милости и титулы, которыми их император (крымский хан. — Н. Х.) всегда осыпает тех, кто оказал ему всякую достой-

ную упоминания услугу перед лицом врагов».⁵³ В боевых качествах крымского войска Смигу довелось убедиться на собственном опыте.

В неудачном сражении при Ротентурме (ныне г. Турну-Рошу в Румынии) 18 ноября 1602 г. 11-тысячный отряд графа Модруша, в котором служил Смит, встретился с 40-тысячным войском, состоявшим из татарской конницы и пеших отрядов турок и янычар. Турецко-татарское войско приступило к делу, «подняв крик, развернув все свои значки, под бой барабанов и звук труб и рожков». Затем, «пустив столько стрел, что от них потемнели небеса», татарская конница обрушилась на врага. Модруш приказал укрепить фронт рядами вкопанных в землю кольев, направленных в сторону противника, между которыми вырыли небольшие ямки. Когда татарская конница стала теснить пехоту противника, та смогла укрыться за этим заграждением. Исход сражения решила стойкость турок и татар, продолжавших атаковать врага и в конце концов опрокинувших его ряды. Вырваться из окружения удалось лишь Модрушу с 1300 или 1400 всадниками, «а все остальные были убиты или попали в плен».⁵⁴

Рассказы о татарской доблести иногда сочетались с описаниями суеверий. По словам Феррана, ногайцы считали годы, кратные 13, приносящими несчастье. Потому они не шли в поход, пока не достигали 14 лет, а также пропускали свой 26-й, 39-й и следующие кратные 13 годы, когда не носили оружия и проводили время в посте и молитвах.⁵⁵

Европейцев шокировало то, что основным трофеем татар был «живой товар», и их отношение к рабам. По словам Мартина Броневского, «Положение пленных у татар очень печально; их мучают голодом, наготой, а простого звания людей сильно бьют плетью так, что несчастные сами желают себе смерти».⁵⁶ Раненый Смит был продан в рабство; пережив множество (возможно, отчасти вымышленных) приключений, он оказался в Северном Приазовье, затем бежал из плена и через Россию и Польшу вернулся в Трансильванию.⁵⁷ Англичанин с ужасом вспоминал: «[В]едь и тем [рабам], кому было легче всего, было так скверно, что жизнь эту вряд ли бы вынесла

⁴⁹ The Complete Works of Captain John Smith... P. 199.

⁵⁰ Ibid. P. 184, 185.

⁵¹ См.: Voyage de Crimée en Circassie... P. 218.

⁵² Мартин Броневский. Описание Крыма... С. 363.

⁵³ См.: Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 151–168.

⁴⁹ См.: Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Симферополь, 2008. С. 50, 247.

⁵⁰ См.: Mémoires du baron de Tott... P. 210–212, 217.

⁵¹ Ibid. P. 231, 232.

⁵² Ibid. P. 239–245, 249–252.

и собака; и к тому же, несмотря на все их тяготы и труды, относились [к ним] не лучше, чем к животным». ⁵⁸ Рабам пришлось работать в поле, но кормили их скудно: «[Н]ашей же обычной пищей [были] потроха лошадей и длинноногих овец. Изрубив их на мелкие куски, ими наполняют большой котёл и, сварив с просом, раскладывают по большим чашам в форме кастрюли с подогревом; они садятся кругом на землю и затем нагребают, сколько хотят, полными пригоршнями; остатки же отдают рабам-христианам. Часть этой похлебки смешивают с толченым просом, и, загасив огонь в очаге, ставят туда полную чашу и потом накрывают углями, пока не запечется; остатки похлебки, тушеные с небольшими кусочками мяса, были особенным лакомством». ⁵⁹ Судьба пленных, которые не могли трудиться, была еще более печальной. Фон Герберштейн сообщал, что «[С]тарики и немощные, за которых невозможно выручить больших денег, отдаются татарами молодежи, как зайцы щенкам, для первых военных опытов». ⁶⁰

По словам де Боплана, захваченные в плен татарами женщины становились жертвами татарской похоти. «Самое бесчеловечное сердце содрогнулось бы при виде того, как разлучаются муж с женой, мать с дочерью без всякой надежды увидеться когда-нибудь, отправляясь в прискорбную неволю, к язычникам-магометанам, которые наносят им бесчисленные оскорбления. Грубость их позволяет им совершать множество самых грязных поступков: обещивать девушек и насиловать женщин в присутствии их отцов и мужей, и даже делать обрезание детям на глазах их родителей, чтобы обратить их в магометанскую веру». ⁶¹ Француз Антуан Грамон наблюдал действия татарского войска во время русско-польской войны (1663–1664) и отметил, что среди пленников «молодые мальчики [предназначались] для их удовольствий, а девушки и женщины — для продолжения их рода и последующей продажи». ⁶²

А вот де Тотта восхитила сноровка, с которой татары обходились с пленниками: «[Д]аже увидев собственными глазами, нелегко было понять ту аккуратность, терпение и исклю-

чительную ловкость, с которыми татары обращались с тем, что смогли захватить. Пять или шесть рабов разного возраста, шестьдесят овец и двадцать быков — добыча одного человека его не стесняет. Дети высовывают голову из мешка, подвешенного к луке седла, сидящую перед ним молодую девушку он придерживает левой рукой, мать — позади, отец — на одной из тех лошадей, что он ведет на поводу, сын на другой, бараны и быки впереди, все идут и никто не избежит бдительного взгляда пастуха этого стада <...> эта картина была бы поистине занимательной, если бы не говорила о жадности и жесточайшей несправедливости». ⁶³ О страданиях этих несчастных французов не задумывался.

По словам Мартина Броневского, татары делили пленных между собой, причем их правителю полагалась десятая часть, определенную долю получали другие командиры, а захваченное каждым отрядом делилось между его членами. ⁶⁴ Де Тотт писал, что, когда Крым-Гирей отправил часть войска за пленниками и стадами, «[Б]ыло решено, что на каждого воина, занятого в этом набеге, приходится двое товарищей из оставшегося войска. При таком порядке каждый получал [равную] часть добычи, и общий интерес объединялся с интересом частным...» ⁶⁵ Подобное перераспределение трофеев свидетельствовало об известной справедливости и способствовало поддержанию дисциплины. Хан щедро раздаривал рабов из своей доли всем желающим. Хотел он «осчастливить» и барона, предложив тому шесть красивых мальчиков, способных скрасить жизнь оказавшегося «вдали от своего гарема». ⁶⁶

Центром работоторговли была Каффа. Михалон Литвин писал, что живой товар «тщательнейшим образом оценивается в Таврике и за большую цену покупается чужеземными купцами, чтобы продать [его] дороже более отдаленным и диким [народам]... Ведь тех более красивых мальчиков и девушек... [сначала] хорошенько откармливают, одевают в шелк, белят и румянят, чтобы продать по дороже. Иной раз самые красивые и целомудренные девушки нашей крови оцениваются тут на вес золота». ⁶⁷

Удача могла обернуться к татарину своей противоположной стороной, когда он сам

⁵⁸ The Complete Works of Captain John Smith... P. 189.

⁵⁹ Ibid. P. 190.

⁶⁰ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 421.

⁶¹ Боплан Г. Л. де. Описание Украины... С. 237.

⁶² Gramont A. de. Relation de mon voyage en Pologne // La Revue de Paris. 1922. T. 10. Liv. du 15 avril. P. 732.

⁶³ Mémoires du baron de Tott... P. 235, 236.

⁶⁴ См.: Мартин Броневский. Описание Крыма... С. 362, 363.

⁶⁵ Mémoires du baron de Tott... P. 222, 223.

⁶⁶ Ibid. P. 252–257.

⁶⁷ Михалон Литвин. О нравах татар... С. 72.

оказывался пленником. Тогда можно было обменять себя на кого-то из тех, кто оказался в крымском плену. По словам Витсена, татары проявляли в этом вопросе исключительную порядочность: «*[Е]если они в плену и их отпустят под честное слово, чтобы они доставили взамен какого-нибудь христианина, который находится в плену у них, то они возвращаются обратно, даже если ничего не смогли сделать, чтобы устроить обмен*».⁶⁸

Образ военного дела Крымского ханства, нарисованный западными источниками начала Нового времени, достаточно гомогенен. Главная его особенность — чуждость европейскому/западному в вопросах тактики, вооружения, обращения с пленными и пр. Европейцы признавали высокую эффективность татарского войска, идеально приспособленного к специфическим климатическим условиям степи и стоявшим перед ним задачам. В образе крымских татар заметны параллели с позднеантичными описаниями гуннов, в частности у Аммиана Марцеллина. Можно отыскать и аналогии с более ранней традицией, рассказывающей об архетипичных варварах — скифах,

в образе которых могли причудливо переплетаться не только отрицательные, но и положительные черты.⁶⁹ «Гуннский рассказ» Аммиана не слишком реалистичен: писатель намеренно гиперболизировал аномальность культуры, обычаев, морали и даже физического облика кочевников, чтобы тем самым подчеркнуть их экзистенциальную опасность для Римской Империи.⁷⁰ Можно задаться вопросом, насколько подобные соображения имели и западные писатели Нового времени, хорошо знавшие античную традицию описания кочевников, и насколько сходства в разновременных рассказах о номадах могли объясняться тем, что одинаковые природные условия порождали одинаковые хозяйственно-культурные особенности разных по происхождению кочевых обществ. Особая задача — сравнительный анализ между образом военного дела крымских татар, нарисованным западными источниками, и тем, что можно восстановить, используя скудные данные восточной (османской и собственно крымской) традиции, а также по материальным памятникам, с целью разделить литературные штампы и исторические реалии.

Nikita I. Khrapunov

Doctor of Historical Sciences, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Russia, Simferopol)
E-mail: khrapunovn@gmail.com

FIGHTING A “MONSTROUS AND INHUMAN RACE”: THE 16TH–18TH CENTURY WESTERN WRITERS ON THE WARS OF THE CRIMEAN KHANATE

The paper discusses the image of the Crimean Khanate's army, its traditional tactics, doings in campaigns, and the attitude to the prisoners of war in the works of the Western authors from the Early Modern Period. Although the Crimean Khanate's warfare has been studied by the scholarship, its imagological aspect remains obscure. The given research has revealed various sides of the otherness to become stereotypes in “European” texts. The writers in question added the letter r to the ethnonym *Ta(r)tars* to emphasise the parallel with the underworld, Tartarus. The khan's army was perceived as the apocalyptic comers from Hell. The Mongoloid appearance of the Nogais was considered an “opposition to Christian being” and a result of peculiarities of child development. “Europeans” underlined the effectiveness of light cavalry equipped with primitive weapons, but perfectly adapted to the environmental conditions of the steppe. Stressing the *Ta(r)tar* otherness, they went so far as to claim that they entered a battle unarmed. From the very childhood, Crimean warriors were accustomed to campaigns and battles, scarce exotic food, and harsh natural conditions. According to the “Europeans”, the Crimean army not only practised “unconventional” ways of battling, but also had severe discipline. Explaining the successes of the khan's army, some writers greatly exaggerated its numbers. A special motif was the description of the suffering of the captives, who constituted the main trophy of the *Ta(r)tars*; the latter developed an effective system of getting, transportation, distribution, pricing, selling, and use of the “live goods”.

Keywords: *Crimean Khanate, Crimean Tatars, Crimea, travelogues, image of the enemy, historical imagology*

⁶⁹ См.: Braund D. Herodotus' Spartan Scythians // Pontus and the Outside World. Leiden; Boston, 2004. P. 25–41; Козулин В. Н. Образ скифов в античной литературной традиции. Барнаул, 2015. С. 81–161.

⁷⁰ См.: Козлов А. С. Место «гуннского экскурса» в Res Gestae Аммиана Марцеллина // Античная древность и средние века. 2023. Т. 51. С. 12–35.

⁶⁸ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария... С. 705.

REFERENCES

- Braund D. Herodotus' Spartan Scythians. *Pontus and the Outside World: Studies in Black Sea History, Historiography, and Archaeology*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2004, pp. 25–41. (in English).
- Filyushkin A. I. *Izobretaya pervuyu voynu Rossii i Yevropy. Baltiyskiye voyny vtoroy poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing the First War of Russia and Europe. Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century as Viewed by Contemporaries and Descendants]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2013. (in Russ.).
- Istoriya krymskikh tatar* [The History of Crimean Tatars]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2021, vol. 3. (in Russ.).
- Jankowski H. *A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2006. (in English).
- Kardini F. *Yevropa i islam. Istoriya neponimaniya* [Europe and Islam. The History of Misunderstanding]. Saint Petersburg: Alexandria Publ., 2016. (in Russ.).
- Khrapunov N. I. [Central Asia in the Western Imagination in the 18th Century]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke yevropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* [Central Asia at the Intersection of European and Asian Political Interests: 18th–19th Centuries]. Moscow: OntoPrint Publ., 2020, pp. 143–163. (in Russ.).
- Khrapunov N. I. [Crimean Khan Has Left for the War: Baron François de Tott on the Last Raid of the Tatars on Russia in 1769]. *Frantsuzskiy yezhegodnik* [Annual of French Studies], 2023, vol. 56, pp. 36–53. DOI: 10.32608/0235-4349-2023-1-56-36-53 (in Russ.).
- Khrapunov N. I. [Representations about the Crimean Khanate in Western and Central Europe in the Mid-15th – Third Quarter of the 18th Century]. *Istoriya krymskikh tatar* [The History of Crimean Tatars]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2021, vol. 3, pp. 822–828. (in Russ.).
- Khrapunov N. I. [Travelogues]. *Istoriya krymskikh tatar* [The History of Crimean Tatars]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2021, vol. 3, pp. 36–40. (in Russ.).
- Khrapunov N. I., Khrapunova S. N. [Notes of John Smith as a Source for the Crimean Khanate History in the Early 17th Century]. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review], 2015, no. 4, pp. 151–168. (in Russ.).
- Konkin D. V. [On the Problem of the Population of the Crimea in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries and the First Wave of the Crimean Tatar Emigration]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, vol. 27, pp. 628–647. DOI: 10.29039/2413-189X.2022.27.628-647 (in Russ.).
- Kozlov A. S. [Place of the “Account of the Huns” in Ammianus Marcellinus' Res Gestae]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages], 2023, vol. 51, pp. 12–35. DOI: 10.15826/adsv.2023.51.001 (in Russ.).
- Kozulin V. N. *Obraz skifov v antichnoy literaturnoy traditsii* [Scythians' Image in the Classical Literature Tradition]. Barnaul: AltGU Publ., 2015. (in Russ.).
- Leskinen M. V. *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noy ideologii Rechi Pospolitoj* [Myths and Images of Sarmatism. The Origins of the National Ideology of Polish-Lithuanian Commonwealth]. Moscow: ISL RAN Publ., 2002. (in Russ.).
- Matuzova V. I. *Angliyskiye srednevekovyye istochniki* [English Medieval Sources]. Moscow: Nauka Publ., 1979. (in Russ.).
- Oreshkova S. F. *Krymskoe khanstvo v XV–XVI vv.: rol' osmanskogo vassala v politicheskom stanovlenii postordynskoy Vostochnoi Evropy* [Crimean Khanate in the 15th–16th Centuries. The Role of the Ottoman Vassal State in the Political Development of the Post-Horde Eastern Europe]. Moscow: IV RAN Publ., 2022. (in Russ.).
- Polyakovskaya M. A. [Alexey Makremvolit on the Foreign Policy Situation of Byzantium]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages], 1981, vol. 18, pp. 135–140. (in Russ.).
- Sheykumerov A. A. *Armiya Krymskogo khanstva: organizatsiya i taktika (XV–XVIII vv.)* [The Crimean Khanate Army: Organization and Tactics, 15th–18th Centuries]. Simferopol; Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2019. (in Russ.).
- Wolff L. *The Singing Turk. Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon*. Stanford: Stanford University Press Publ., 2016. DOI:10.2307/j.ctvqsdskp (in English).

Для цитирования: Храпунов Н. И. Сражаясь с «племенем чудовищным и бесчеловечным»: западные авторы XVI–XVIII веков о войнах Крымского ханства // Уральский исторический вестник. 2024. № 4(85). С. 6–14. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-6-14.

For citation: Khrapunov N. I. Fighting a “Monstrous and Inhuman Race”: The 16th–18th Century Western Writers on the Wars of the Crimean Khanate // Ural Historical Journal, 2024, no. 4(85), pp. 6–14. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-6-14.